

Советские профсоюзы

В Большом Кремлевском дворце заседает X съезд профессиональных союзов СССР. На съезде от всех контов советской земли приехали представители нашего героического рабочего класса, интеллигенции, делегаты от 28,5 миллиона членов профсоюзов.

Советские профсоюзы — самая массовая организация трудящихся нашей страны. Они, подобно привитому ремню, связывают большевистскую партию с рабочим классом, с нашей интеллигенцией. Под руководством партии они проводят огромную работу, являясь школой коммунизма, в которой миллионы массы трудящихся учатся жить и работать по-коммунистически.

Партия Ленина—Сталина, советские профсоюзы вырастили и выдвинули новое поколение рабочего класса. На стройках сталинских пятилеток, в горах Великой Отечественной войны, в борьбе за коммунизм, в творческом, социальном труде формировались кадры нашего героического рабочего класса. Высокая политическая сознательность, глубокая ответственность, беспредельная любовь к Родине и неутомимое трудолюбие — таков духовный облик строителей коммунизма.

Миллионы рабочих, инженеров, техников, служащих активно участвуют в социалистическом соревновании за досрочное выполнение последней пятилетки. Растет и ширится с каждым днем стахановское движение; социалистическое соревнование стало в нашей стране всеобщим, оно охватило более 90 процентов всех рабочих и служащих, занятых в промышленности, транспорте, в совхозах и МТС.

Организация социалистического соревнования рабочих, инженеров, техников и служащих, всемерное развитие стахановского движения, воспитание коммунистического отношения к труду — составляют главное в работе советских профсоюзов. И эти вопросы закономерно стоят сейчас в центре внимания делегатов X съезда профсоюзов.

Долг советских профсоюзов сделать все необходимое для того, чтобы каждый рабочий и работница, каждый советский служащий могли работать еще более производительнее. Профсоюзы должны провозглашать людей труда, поднимать их на пьестал восторженной славы, добиваться, чтобы лето дня в день горело трудовым подъемом, чтобы в сердце каждого честного труженика неугасимым огнем горела жажда трудового подвига во имя Родины. И здесь задачи советских профсоюзов и задачи советских литераторов совпадают.

Музейный выставочный зал литературы Максима Горького, выступая на Первом съезде писателей, говорил: «Основным героем наших книг мы должны избрать труд, т. е. человека, организующего процессы труда, который у нас вооружен всей мощью современной техники, человека, в свою очередь организующего труд более легким, продуктивным, возводя его на ступень искусства». Попыта этот завет Горького, советская литература в своих лучших произведениях утверждает творческую силу свободного труда, воспевавшего его скромных героев, ибо, как это справедливо отметил А. Фадеев, «человек, о точности зрения социалистического гуманизма — даже не человек, если он не трудится, не работает, не творит». Одной из особенностей советской художественной литературы является то, что она показывает обыкновенного, простого советского человека, как человека — борца, деятеля, труженика, новатора, преобразователя природы.

С трибуны X съезда профсоюзов председатель ВЦПС тов. Кузнецов обратился к призывом к деятелям литературы и искусства — еще ярче, художественно выразительнее возмечать в своих произведениях героев трудовых будней — рабочих, техников, инженеров, служащих — этих подлинных творцов новой жизни. Советские писатели, воспитанные в духе большевистской критики, которая помогает нашей литературе двигаться вперед и выше, принимают этот призыв. Они считают своим долгом создать высокохудожественные, глубоко идейные произведения о людях сталинской эпохи, о нашем героическом рабочем классе, в том числе и такие произведения, в которых находят свое правдивое отображение образ профсоюзной работницы — этого скромного и неутомимого организатора масс, страстного пропагандиста и поборника идей большевистской партии.

Коммунистическое воспитание масс —

Творческие встречи ученых и практиков

Выездные сессии Академии наук Латвийской ССР

РИГА. (Наш корр.). За последнее время ученые Латвийской ССР пережили ряд интересных творческих встреч с новаторами производства и сельского хозяйства.

Президент Академии наук Латвийской ССР П. Лейньш сообщил корреспонденту «Литературной газеты»:

— Еще в прошлом году наша академия начала проводить тематические выездные сессии, научные конференции и творческие встречи ученых со стахановскими предпринимателями и мастерами высокого урожая. На таких встречах доклады ученых тесно связывались с текущими производственными заданиями завода или колхоза. Выездные сессии стали системой нашей работы.

Так, в феврале Институт зоотехники и зооинженерии провел выездную научную сессию в Мадоне; вслед за этим состоялись выездные сессии президиума Академии наук — 19 марта в Валмере и 26 марта в Талси. 20 марта в Лепне заседала сессия Института биологии и экспериментальной медицины Академии наук; 28—29 марта Институт почвоведения и земледелия провел выездную сессию в Резекне.

Все эти сессии (за исключением латвийской, где охватывались вопросы медицины) были посвящены прогрессивной мишуриной биологии и связаны с подготовкой к весеннему сезону.

Латвийская деревня переживает сейчас великие дни. G. Большим политическим подъемом происходит процесс массовой органи-

важная обязанность советских профсоюзов. Они ведут большую и активную работу по распространению политических и научных знаний на фабриках и заводах. Они разъясняют массам решения партии и правительства, борются за поднятие культурного и технического уровня рабочих, инженеров, техников, служащих. Для проведения этой работы профсоюзные организации располагают мощной базой. Достаточно сказать, что профсоюзы имеют около 8 тысяч клубов, домов и дворцов культуры, свыше 8 тысяч библиотек, около 70 тысяч красных уголков, более 5 тысяч киноустановок. На нужды культурно-просветительской работы профсоюзы ежегодно расходуют колоссальные средства. Например, в 1949 году только по профбюджету на эти цели отпускается 1.700 миллионов рублей. Кроме того, профсоюзы систематически получают денежную помощь от государства на ведение культурной работы. С 1945 года профсоюзы, по указанию товарища Сталина, получили 1,5 миллиарда рублей на восстановление культурных учреждений. Все это создает благоприятные условия для широкого развертывания массово-политической и культурно-просветительской работы.

На наших глазах совершается великий исторический процесс ликвидации противоположности между трудом умственным и трудом физическим. Неизмеримо вырос культурный и технический уровень рабочего класса, расширился кругозор советского рабочего, необычайно повысились его духовные запросы и интересы. Все это должно учитываться в культурно-просветительской работе профсоюзов: не нельзя вести по старым шаблонам, нельзя использовать только старые приемы и методы. Работа профсоюзных клубов, библиотек, кинотеатров, всех культурных очагов должна подняться на новый уровень, оказывать все большую помощь партии в коммунистическом воспитании трудящихся, в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей, все весомее она должна сказываться в поразительном богатстве по содержанию расцвете социалистической культуры, советской науки, литературы и искусства.

Советские профсоюзы, воспитанные большевистской партией в духе пролетарского интернационализма, последовательно и стойко отстаивают единство мирового профсоюзного движения. Мужественная и принципиальная борьба советских профессиональных союзов за укрепление Всемирной федерации профсоюзов ознаменована горячей любовью трудящихся всех стран, которые видят в них стойких защитников своих интересов рабочего класса, свободы, мира и демократии. Она вызвала злобный вой и звериную ненависть буржуазных диверсантов типа Диккина и Бари, которые пытаются взорвать единый фронт профсоюзов в угоду вдохновителям и организаторам Северо-атлантического пакта — пакта новой войны.

Истинные представители миллионов трудящихся нашей Родины — советские профсоюзы подняли свой могучий голос в защиту мира, гневно заклеймили презренных фашистских новой войны — трумалов, маршаллов, черпалей, бенинов и других прислужников американских империалистов, вынашивающих дьявольские планы нового крестового похода против страны социализма.

Советские профсоюзы активно поддерживали идею созыва Всемирного конгресса сторонников мира, который призван сплотить силы демократии и прогресса на борьбу за мир против поджигателей новой войны.

Много сотен километров отделяет Большой Кремлевский дворец, где заседает сейчас X съезд профессиональных союзов СССР, от зала Плейбел в Париже, где собралась ассамблея 600 миллионов простых людей, чтобы заявить свой гневный протест против гонимых вооружений, чтобы помешать американским агрессорам разжечь пожар войны, вернуть человечество к бездне новой бойни.

К их голосу в защиту мира присоединяют свой могучий голос делегаты X съезда профсоюзов — посланцы миллионов советских людей, которые хотят мира, чтобы творить и строить.

Благородная и поистине неопеченная многогранная деятельность советских профсоюзов — этой школы коммунизма. X съезд профсоюзов войдет в историю нашей Родины, как бравый смотр сил великой армии строителей коммунизма, как символ труда и мира, которым принадлежит будущее.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 33 (2520)

Суббота, 23 апреля 1949 г.

Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

- 1 стр. Переломная. Советские профсоюзы. Всемирный конгресс сторонников мира. Выступление А. А. Фадеева.
- 2 стр. Семин Гузденко. Новая повесть о Ленине. Е. Клипов. Писатель-патриот, А. Бек. Встреча в вагоне.
- 3 стр. Н. Грибачев. Светлая судьба народа. А. Марьямов. Тень врага. А. Бек. Встреча в вагоне.
- 4 стр. Письмо деятеля культуры Киева Всемирному конгрессу сторонников мира. Мирза Ибрагимов. Презрение империалистам! Всемирный конгресс сторонников мира. В Париже. Андре Симон. В Праге.

ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС СТОРОННИКОВ МИРА

Выступление А. А. Фадеева

Есть одно слово на свете, которым в последнее время все чаще пугают людей: это слово — пропаганда. Чтобы не было никаких недоразумений скажем моего доклада, а прежде всего должен заявить, что буду заниматься пропагандой за мир и против поджигателей войны. Не могу сказать, что пропаганда мира против поджигателей войны является моей профессией. Я писатель и, как многие мои коллеги, с гораздо большим удовольствием писал бы книги о мирной жизни людей, тем более, что наиболее характерной чертой в жизни людей на моей родине является мирный труд. Но общественная совесть, которая предостерегает в этом зале, где собрались люди свыше 60 национальностей, представители физического и умственного труда, люди различных политических убеждений и религиозных воззрений, та общественная совесть, которая, вопреки усилиям врагов мира и человечества, и в нашем великом счастье, высоко несет над миром голос правды и человечности, побуждает меня всеми силами души поддерживать это дело.

Я не могу сказать, что война уже стоит у порога наших жилищ. Но она не стоит у наших жилищ только потому, что народы мира не хотят войны, свидетельством чему является нынешний знаменательный Конгресс защиты мира.

Позвольте же мне от имени деятелей культуры и миллионов людей физического труда нашей великой Советской родины передать вам всем, нашим дорогим друзьям и братьям в деле борьбы за укрепление мира, самый сердечный привет.

Я хочу использовать эту счастливую возможность, чтобы передать привет прогрессивной французской интеллигенции и французскому народу, который в этом великом деле борьбы за мир проявил столько замечательной инициативы и которую мы все обязаны благодарить здесь, на французской земле. Об этом, может быть, тем более уместно сказать, что, как известно, во Франции оказались и такие люди, которым не очень бы хотелось, чтобы мы здесь присутствовали.

Война еще не стоит у порога наших жилищ, но она стала реальной угрозой австралийского дня. Есть простые вещи, о которых знает не только каждый сознательный человек, но о которых знают даже дети, достигшие школьного возраста.

Кто не знает, например, что в ряде стран Западной Европы и Америки, вопреки чаяниям народов, происходит гонимых новых вооружений? И факты об этом неоднократно публиковались в газетах и брошюрах во всех странах мира. Но их можно было бы не публиковать, потому что население ежедневно ощущает это по растущим налогам и по дороговизне жизни.

Казаюсь бы, чего проще, как договориться о сокращении вооружений крупных мировых держав для того, чтобы уменьшить народную нужду и отдалить угрозу войны?

Всем известно, что атомное оружие нельзя рассматривать как оружие обороны, потому что оно рассчитано в первую очередь на разрушение городов и культурных ценностей, на массовое уничтожение беззащитных детей, женщин и старых людей и является в этом смысле самым бесчеловечным оружием, какое когда-либо до сих пор применялось против человечества.

Казаюсь бы, чего проще, как запретить изготовление этого оружия, его применение в военных целях и установить контроль над выполнением этого решения, простого и ясного даже для ребенка?

Однако есть на свете люди и даже газеты, которые считают подобные простые и ясные предложения выражением «пропаганды», а свои невероятно запутанные и лишние логики построения, ставящие цель оправдать гонку вооружений и применение атомного оружия, объявляют чуть ли не высшим выражением «свободы» и «демократии».

Во всех странах мира распространяются географические карты, — эти карты печатают даже в журналах, — на которых можно видеть гигантские колы воюющих баз, проходящих через Гренландию, Исландию, Англию, Португалию, Испанию, Германию, Грецию, страны Ближнего и Среднего Востока, через острова Тихого океана, Китай, Японию. Подпадающие под бомбежку этих баз падают за тысячу километров от стран, создавших их. Любому школьнику понятно, что эти базы не могут являться базами обороны, что странами, создавшими эти базы, решительно никто не угрожает, а наоборот, наличие этих баз является страшной угрозой миру во всем мире. Любой грамотный человек, ежедневно читающий газеты, знает, что, несмотря на окончание второй мировой войны, вооруженные силы иностранных государств находятся в Греции, Египте, Трансильвании, Иране, Индонезии, Вьетнаме и в других странах, что иностранные вооруженные силы находятся там вопреки воле народов этих стран и что она, эти силы, уже фактически являются очагами новой войны.

По поводу этих и многих других обидных фактов, как люди, воспитанные в существовании этих фактов, и их газеты повернут и извратят правду, и из-

пугают даже для школьников, да еще выдвигают свои туманные и ложные, лишние логики построения за высшее выражение «свободы» и «демократии».

Всего лишь четыре года прошло с тех пор, как десятки больших и малых наций вышли из самой кровопролитной войны, которую когда-либо видел мир. Они вышли из нее, разгромив в тесном союзе силы, мечтавшие о мировом господстве и развязавшие прошлую войну. Из этого тесного союда народов в войне за справедливость естественно и закономерно родился организация Объединенных наций. Казаюсь, чего бы проще, как решить все противоречия, возникающие между странами, в этой организации Объединенных наций, выросшей из союда народов? Но нет, нашлись силы в мире, которым потребовалось «Западный союз» и так называемый «Атлантический пакт». А на горизонте уже маячит и некий «Средземноморский блок».

Народы мира еще не успели забыть зверства германских нацистов, а уже в так называемое «атлантическое сотрудничество» пытаются втянуть Западную Германию с ее неразрушенным военно-промышленным потенциалом и гуляющими на свободе кадрами нацистов-людоедов. Каждому человеку с незатуманным мышлением ясно, что подобные блоки раздирают мир на части, противопоставляют одни группы стран другим, что эти блоки носят военный характер и с момента их создания война вступает в фазу ее совершенно реальной подготовки.

Какие же, однако, мотивы и доводы выдвигают певцы атомного оружия и военных блоков, ставящих народы всего мира перед реальной угрозой войны? Одним из наиболее распространенных доводов является довод о том, что эти блоки созданы против агрессии, якобы угрожающей со стороны Советского Союза. Но все народы видят мирные устремления Советского Союза и то, что Советский Союз здесь не пытается править к участию в этих блоках и что инициаторы этих блоков отвергли Пакт мира, предложенный великим руководителем Советского государства Сталиным. Выдвигают и такой страшный довод, будто люди стран так называемого «атлантического сотрудничества» обладают «монополией» на культуру и гуманизм, а мы, советские люди, наследники Пушкина и Толстого, Менделеева и Павлова, создавшие своими руками первую в мире страну социализма, являемся якобы врагами «западной», «атлантической» культуры. Но может ли хоть один действительный поборник культуры и гуманизма представить себе духовное развитие человечества без великой русской литературы, науки, музыки? И неужели можно оправдать развязывание самой зверской войны, какой только и может выгладеть новая мировая война, несогласием с тем характером культурного развития, который определяет свыше 30 лет жизни 200-миллионного советского народа, объединенного в своем составе около 70 наций? Забыли, что новая, социалистическая культура советского народа выросла на той почве, которую уготовили ей великие люди и отцы. Забыли, что 30 лет свободной жизни советского народа в условиях социализма не могли не внести в культурную сокровищницу человечества такие новые ценности, которые нужно по крайней мере знать, если стремиться к взаимопониманию между народами.

Говорят, что любовь к своим национальным традициям, к народной национальной почве, породившей новую, советскую культуру, мешает советским людям понять так называемую «западную культуру». Но разве все великое в культуре Франции, Англии, Италии, США не выросло на своей национальной народной почве? Разве не тем великая и прекрасная подлинная культура всего человечества, что она есть продукт развития культуры десятков и сотен больших и малых народов, сложившихся в нее нечто свое и неповторимое? Любовь к своей национальной народной почве и борьба с различными космополитическими теориями в нашей стране предполагают уважение и любовь ко всему передовому и прогрессивному в культуре каждой нации. Кому же не известно, что именно в Советской стране больше, чем в какой-либо другой, переводятся и издаются произведения классиков и современных прогрессивных писателей многих и многих стран, что мировую музыку изучают в наших консерваториях и многочисленных музыкальных школах, что идея солидарности всех прогрессивных сил мира против войны есть одна из тех великих идей, на которых воспитывается наша молодежь наряду со священной идеей патриотизма.

Хотелось бы спросить: а чью, собственно говоря, культуру, культуру какой нации любят певцы атомного оружия и военных блоков?

В 1948 году в Нью-Йорке вышла книга Вильяма Фогта «Путь к спасению». Сам Вильям Фогт является директором охраны природы на американском острове. Предисловие к этой книге написал известный государственный деятель США Бернанд Барух. В своих так называемых научных писаниях о судьбах человечества Вильям Фогт исходит из учения Мальтуса. Как известно, по Мальтусу основное противоречие существования людей состоит в том, что человечество размножается быстрее, чем можно его прокормить по возможности, которые предоставляет природа. Отсюда Мальтус считал неизбежными и

благожелательными факторами для человечества войны, эпидемии, болезни, нищету и голод.

Но Вильям Фогт идет дальше своего учителя Мальтуса, пытается применить эту антинаучную теорию в современном положении стран и народов. В главе «Слишком много американцев» Фогт исходит из того, что оптимальной численностью населения США является 100 миллионов человек. И таким образом, США неизбежно грозит снижение жизненного уровня, поскольку страна, так сказать, «перенаселена» на 45 миллионов человек. Но положение США еще не так ужасно. Подобно немецким фашистам, пытавшимся оправдать свою агрессию «ограниченностью жизненного пространства», Фогт «перенаселенностью» США объясняет стремление внешних кругов к захвату запасов и территорий других народов.

«Запасы оловянной руды ограничены, быть может, нам придется воевать за право доступа к запасам олова», — пишет он. Или: «Предвидя истощение своих запасов нефти, мы посылаем наш флот в Средиземное море, угрожаем Советскому Союзу, требуем доступа к нефтяным богатствам Азип...» (стр. 68).

Как видите, не характер культурного развития Советского Союза движет новоявленным певцом новой войны Вильямом Фогтом, поддерживаемым Бернандом Барухом.

Если на самом деле существуют еще такие наивные люди, которые думают, что маршализация ряда стран Западной Европы и так называемый Северо-атлантический пакт действительно направлены к улучшению жизни населения этих стран, то я очень рекомендую этим людям читать и перечитать Вильяма Фогта.

«К несчастью», — пишет он (я особенно обрадую ваше внимание на это «к несчастью»), — несмотря на войну, германские зверства и неурядице, население Европы, не считая России, увеличилось за время с 1936 по 1946 год на 11 миллионов человек. Предполагают, что к 1955 году численность ее населения достигнет 404 миллионов человек, то-есть увеличится за 20 лет на 10 процентов. Вместо 370 миллионов пустых желудков, которые нужно наполнить три раза в день пищей, вырванной на чужой земле, в Европе будет 404 миллиона пустых желудков. Количество годовых ртов растет, но количество земли не увеличивается» (стр. 199—200).

Потому Вильям Фогт рекомендует единственный выход из положения, а именно — уменьшение численности населения Европы. Он так и пишет: «Все, что мы делаем для увеличения численности населения, идет во вред Европе и нам самим. Стабилизация, а затем уменьшение численности населения Европы были бы самым крупным вкладом в дело всеобщего мира и процветания» (стр. 211).

Может быть, есть такой наивный англичанин, который думает, что действительно атомное оружие и Атлантический пакт существуют для защиты английской культуры и старого английского гуманизма. Но чтение Вильяма Фогта убеждает, что создатели атомного оружия и Атлантического пакта с презрением относятся к английской нации, как и ко всем другим народам. По Фогту, так называемый «Новый свет» всегда коррал Англию, и промышленный переворот в Англии не совершился бы без помощи Америки. И в нынешних условиях, если мы не захотим помешать 50 миллионов британских ног под наш обеденный стол... мы снова увидим, как по улицам Лондона шествует голод», — пишет Фогт (стр. 72).

Такое, собственно, отношение Фогта ко всем другим народам. «Самой страшной трагедией для Китая сейчас было бы снижение смертности населения», — пишет он. «С точки зрения всего человечества, голод в Китае, пожалуй, не только желателен, но и неизбежен».

В положении Чили он видит следующие достоинства: «Одним из величайших преимуществ и даже, пожалуй, величайшим преимуществом, каким обладает Чили, является высокая смертность населения» (стр. 186).

Мудрось, древних греков, в понимании Вильяма Фогта, «выражалась в действиях, о которых история редко пишет. Греки понимали постоянную опасность перенаселения и целенаправленно боролись с ней путем поощрения проституции, детубийств, эмиграции и колонизации» (стр. 58).

Но что уже говорить о древних греках, если Фогт самым решительным образом осуждает деятельность современных врачей. «Врачи», — пишет он, — сосредотачивают все свои усилия на одной задаче — спасать людей от смерти... Улучшая постоянно медицинскую помощь и санитарные условия, они несут ответственность за проление жизни миллионам обнищавших людей» (стр. 48).

Конечно, друзья Вильяма Фогта могут обвинить меня в «пропаганде». Но я должен заявить, что такие, как он, проповедники мракобесия и новой войны являются врагами человечества и прежде всего врагами американского народа, который так же не хочет войны, как и мы, и так же, как и мы, желал бы не уничтожения людей на земле, а их счастья и процветания.

Вместе с другими советскими деятелями культуры, искусства и литературы я был гостем на Конгрессе деятелей науки и культуры США в защиту мира. Мы убедились в искреннем стремлении прогрессивной интеллигенции США к укреплению

мира и взаимному пониманию между народами. Вопреки враждебному тону значительной части прессы, нас везде встречали приветливо и дружелюбно, чем, должно быть, и объясняется торжественность государственного департамента и министерства юстиции, предождавших нам удасться.

С удивлением мы познакомились с некоторыми нравами так называемой «свободной» американской прессы, писавшей о чужих ли не стотысячной демонстрации против нашего пребывания в США. На самом деле, кроме небольших группочек наемных шпикетчиков, никакой демонстрации не было. Мы встречали готовность выслушать и понять нас, и мы убедились, что никакое различие воззрений в тех или иных вопросах жизни и культуры не может помешать честным и объективным людям разных наций договориться о мире против людей, поощряющих военную истерию.

Ни один человек на земле, имеющий живую душу, будь он американец или русский, не может пройти мимо таких, например, высказываний, как высказывания Юджина О'Нелла: «Человеческий расе уже пора лечесться с лица земли и дать возможность мурьянам сделать всеобщую обитаемой», или высказывания Гейри Миллера: «Я надеюсь и твердо верю в то, что все цивилизованный мир будет стерт с лица земли в течение ближайшего столетия». Кому не ясно, что проповедь этих взглядов является продолжением в наши дни расистских членовеннистических теорий, которые развивают в людях низменные инстинкты, необходимые корыстным людям для того, чтобы вовлечь человечество в войну.

И на какой бы земле ни родился существо, выражающие подобные взгляды, мы, люди различных наций, разных политических и религиозных воззрений, имеем полное право назвать их врагами человечества и, прежде всего, врагами их собственного народа.

Пора понять, что подобный нигилизм по отношению к человеческой жизни и к самому существованию цивилизации разрушает души молодых людей. Пора понять, что этот нигилизм способствует росту преступлений и поощряет смертные инстинкты.

Федеральное бюро расследований США опубликовало 14 марта признание, что преступность, достигнув угрожающих размеров, продолжает расти. В течение всего 1948 года в Соединенных Штатах каждые 18,7 секунды совершалось одно серьезное преступление. Ежедневно в среднем 36 человек являлись жертвами убийств, 255 женщин подвергались насилию. Каждый 24 часа производилась кража 463 автомобилей и совершалось 2.672 других преступлений. В 1948 году было арестовано рекордное в истории число людей, причем были взяты отпечатки пальцев у 759.698 человек.

Самым тревожным в отчете Федерального бюро расследований является указание, что преступность в 1948 году резко возросла по сравнению с довоенными 1939—1941 годами. Число актов изнасилования женщин возросло на 49,9 процента, воровства — на 16,7 процента, убийства — на 14,1 процента, грабежа — на 8,9 процента. Характерно, что газеты в США самых различных направлений объясняют этот рост преступности необычайно потреблением спиртных напитков и разложением молодежи.

Мы не имеем права не думать о том, что разложение хотя бы даже части молодежи готовит из нее в будущей войне кадры злодеев, мелких фюреров злодеяния, подобных тем, которые германский фашизм вынул против человечества в прошлой войне.

Я призываю всех деятелей культуры, независимо от их национальной и расовой принадлежности, от их политических и религиозных убеждений, возвысить великий голос гуманизма, заветного нам лучшим людям каждой из наций, против поджигателей войны и против их певцов и подголосков. Мы обязаны возвысить этот голос в интересах женщин-матерей, рождающих наших сыновей и дочерей. Мы обязаны его возвысить в интересах наших сыновей и дочерей, потому что от нас зависит и самая их жизнь, и их моральное будущее.

От того, какие мы дадим направление их умам и чувствам, будет зависеть, смогут ли мы с гордостью говорить о них как о носителях человеческого прогресса или мы вынуждены будем оплакивать их духовную немость и отсутствие.

Мы обязаны поднять этот великий голос гуманизма против поджигателей войны, потому что этого ждут от нас миллионы простых людей всего мира, составляющие большинство человечества, несущие в своем сердце думные черты каждой из наций и лучшие традиции гуманизма.

Этот Всемирный конгресс сторонников мира показывает, какой несокрушимой силой обладают деятели культуры, когда они объединены с миллионами людей физического труда. Именно такое объединение наиболее широко выдвигает волю всех народов к укреплению мира. Пусть знают зачинщики новой войны: народы мира могут рассердиться и жестоко покарать их.

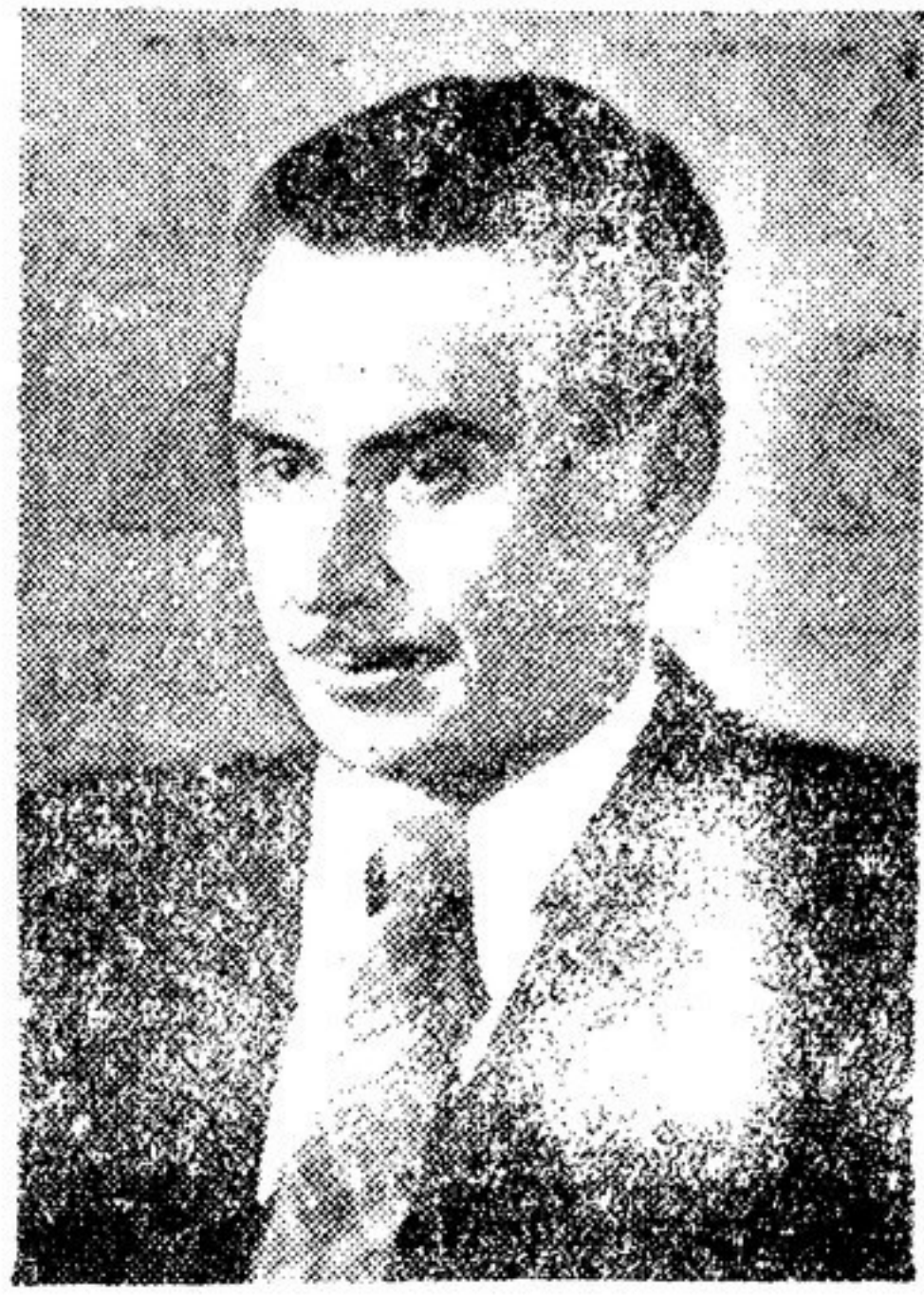
Поднимем наш объединенный голос против зачинщиков и певцов войны, против разжигания национальной и расовой ненависти и вражды.

Защита мира — дело всех народов мира. За дружбу между народами во имя мира! За мир во всем мире!

ПИСАТЕЛЬ-ПАТРИОТ

Ф. И. ПАНФЕРОВ

В. А. САФОНОВ

И. А. РЯБОКЛЯЧ

Мамед РАГИМ

Творческое дарование Саидо Шаншишвили многообразно. Лирика, гражданские стихи, поэмы, исторические и современные драмы — таков вклад, внесенный поэтом в сокровищницу родной грузинской культуры за сорок лет творческого труда.

С. Шаншишвили — уроженец кахетинского селения Джугаани. Он с детства познал, что такое крестьянский труд, беспросветная жизнь крестьянина до революции. Творчество его, посвященное настоящему и прошлому Грузии, отличается той жизненностью, правдивостью, которую может дать только подлинная связь с народом.

Роль Шаншишвили как поэта-патриота, одного из реформаторов грузинского стиха, очень велика. Уже в ранних его стихах звучит горячая любовь к угнетенному народу, сочувствие к его освободительной борьбе.

На революционные события 1905 года поэт откликнулся такими произведениями, как «Потомству завещаю» и «Маевка».

В эпоху реакции вступили полные оптимизма и веры в народные силы, в победу революции стихи поэта.

Но, несомненно, лучшие стихи Шаншишвили посвящены новой, советской Грузии. С волнением и горячей радостью воспевают он «железные поколения» борцов и строителей — преобразователей родного края, чьим трудом опустошены болота Колхиды, прокладываются новые дороги, строятся фабрики и заводы.

Проникновенные строки любви и благодарности поэт обращает к великому Сталину.

Самое значительное поэтическое произведение Шаншишвили, написанное в годы войны, — это поэма «Мать». В ней изображены жизнь и люди колхозной грузинской деревни. Героиня-крестьянка Мария бесстрашно благословляет на бой, на войну с фашистами захватчиками двух своих сыновей. Сама она по-фронтовому трудится в тылу, вкладывая все свое материнское сердце в дело победы.

Вера в будущее, оптимизм — вот основные движущие силы этой подлинно патристической поэмы.

Значительный талант Шаншишвили-поэта, во еще большее значение Шаншишвили-драматурга. Он дал театрам советской Грузии первые пьесы на революционную тему. Он на протяжении многих лет создавал репертуар для театра Тбилиси.

Он по-новому глубоко и проникновенно заглянул в прошлое своей родины. Многовековая борьба грузинского народа с иноземными захватчиками — иранскими и турками, восстания крестьян против грузинских феодалов, вековая дружба и боевое содружество грузинского народа со своим великим другом — русским народом — таковы темы пьес Шаншишвили: три из них удостоены ныне Сталинской премии второй степени.

Одна из этих пьес — патристическая героическая драма «Арсен». Она написана в годы предшествующие Отечественной войне. Речь в ней идет о народном герое — Арсене Оздеашишвили, Арсене из Марабды, который был вожаком крестьянских восстаний в восточной Грузии в 30-х годах прошлого столетия.

Перед читателем и зрителем этой драмы встают два мира, два лагеря — угнетенный и угнетатели, трудовой народ и его враги.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Семен ГУДЗЕНКО

Новая поэма о Ленине

В ленинских местах все — и дом Ильича, и сад, и дорога, и деревья у реки, и книги — вызывает мысли, связанные с историей и судьбой нашей Родины. Эти мысли ведут поэта из подмосковной деревни Горки вли из глухого сибирского села Шушенского на просторы всей страны, всего мира.

Поэма, посвященная Ленину, наполнена новым взволнованным произнесением. Сюжет этой поэмы можно сформулировать в нескольких словах: два великих, родных нам человека встречаются под Москвой. Они говорят о том, чему посвящают свои жизни, — о новой России, о ее победах, о ее будущем.

Пожалуй, нет в нашей стране человека, который не видел бы замечательной фотографии, запечатлевшей эту встречу: Владимир Ильич сидит в плетеном кресле; на нем френч с расстегнутым воротом; на широких нагрудных карманах: рядом — товарищ Сталин в белом кителе. Два великих человека, два друга уходят. Все на этой фотографии облачено просто: и полувоенные костюмы, которые носила революционная Россия в начале двадцатых годов; и пальто в руках И. В. Сталина; и сад, подступивший к самым перилам веранды.

Старожилы хорошо помнят, как гулял по этому саду Ильич, как приехал к нему Сталин. Ценность поэмы В. Саянова — в простоте и естественности повествования об этой встрече, которая, как все, что связано с именами вождей, значительна, памятна. Поэт помнит слова В. В. Маяковского: «Ленин и теперь живет всех живых», и тонко, с большой теплотой рассказывает:

Виссарион Саянов. «Ленин в Горках». «Октябрь», № 1. 1950.

...И Сталин идет по траве И солнечным светом устелен, Вдвиг Ленин встает вдалеке. В широком расстегнутом френче И в книге в правой руке. И вот — распахнулась калитка. Все тот же он — быстрый, простой... — Пожатье руки... и улыбка... — Владимир Ильич! Дорогой!...

...Он рад этой праздничной встрече В сияние июльского дня. — Как будто бы стало полегче, И рана не мучит меня.

Родные, заветные дали... Веками прославленный труд... Задумавшись, Ленин и Сталин По тихому саду идут.

Здесь все так же просто, как было в жизни. И заслуга поэта в том, что он сумел найти очень ясные слова и краски, создавшие незабываемую картину встречи В. И. Ленина с И. В. Сталиным.

Ленин ждал друга, чтобы поговорить с ним, самым близким человеком, о судьбе революции, Советского государства. Ленина волновали события, происходящие в мире.

— Что с Китаем? Кто выбран в Московский Совет? А как же дела с урожаем? В Поволжье-то засуха нет?

И Сталин отвечает: — Нет, с хлебом дела неплохие, С большим урожаем придем...

И снова Ильич спрашивает: — А что Лига наций? С обманом Ведет свой дешевый торг? Что делают за океаном? Чем нынче грозит Нью-Йорк?

Двадцать семь лет тому назад приехал И. В. Сталин в Горки к Ленину, двадцать семь лет тому назад говорили об урожае и угрозах Нью-Йорка, о судьбе Китая и выборах в Московский Совет вождя нашего государства. И повстанце, «как живой с живыми говоря», встает в этом диалоге Ленин. Его тревожат самые насущные, самые злободневные вопросы, он всегда вместе с бойцами за коммунизм. Таких Ленин живет в сердцах свободолюбивого человечества — земной, мудрый, справедливый человек, для которого жизнь

родного народа дороже собственной жизни. Земля, недоступная тленю, Как ты дорога Ильичу!

На этой земле — в маленьких русских городках Козлове и Калуге, в городе над Невой — трудятся великие люди Советской России — Мичурин, Цюлковский и Павлов. В Саянов дает запоминающиеся лирические зарисовки этих славных деятелей нашей Родины. В те годы ребята еще спрашивали: «А трактор? Что это такое? Как пахнет машина? Скажи!», тогда выходили Окна-пакаты Маяковского, ставшие теперь музейными экспонатами. Это первые годы советской власти. И на фоне судеб замечательных людей, рядом с ними — образ самого великого и самого земного человека. Он направлял работу 150.000.000, воспел Маяковский; он предвидел огромное будущее опытов Мичурина, Павлова, Цюлковского. Он видел на сотни лет вперед, предсказывал будущее нашей страны и поражение наших врагов.

Обо всем этом думаешь, читая лирическую поэму В. Саянова, искреннюю и трогательную.

Забывать ли двадцать семь лет? В них молодость наша поет? С утра под кремлевские своды Со Сталиным Ленин идет.

В год мирового сполуха Одной или думой горит. Титанов рождает эпоха, Титаны эпоху творят.

Конечно, можно отметить более удачные и менее удачные куски поэмы; но обаяние незабываемой встречи в Горках не позволяет задерживаться на рифмах и эпитетах. Мне, родившемуся в тот самый год, когда И. В. Сталин приехал в Горки к В. И. Ленину, особенно дорога поэма В. Саянова, потому что она дает мне живое, поэтическое представление о событиях тех далеких лет. Я вижу, как, задумавшись, Ленин и Сталин по тихому саду идут. Я слышу их голоса. И в том, что я, читатель, все это почувствовал, заслуга поэта, автора поэмы.

Первый договор социалистического соревнования

Январь 1929 года. В «Правде» впервые опубликована статья В. И. Ленина «Как организовать соревнование?», написанная в 1918 году. Эту статью прочел рабочий Михаил Путин. Он рассказал товарищам по бригаде о ленинской статье, о выводах, которые следует сделать. Бригада решила: — Организовать соревнование!

Потом, после смены и на следующий день члены бригады горячо обсуждали условия соревнования. Так коллективно родился первый социалистический договор. События тех дней навсегда запечатлелись в памяти М. Путьна:

— Я понес текст договора в бригаду. И люди поняли меня с полуслова. Наш вызов на соревнование был принят.

В трудовой цех, где работала бригада Путьна, пришли рабочие соседних цехов. Из ремонтно-механического пришел Григорий Дубинин, за ним и другие. Потом на «Красный выборщик» потянулись делегации бумажников с Камени, резников с «Красного треугольника», металлостов с «Электросила»...

В первый месяц соревнования бригада Путьна выполнила задание на 220 процентов. В стране, осуществлявшей план первой сталинской пятилетки, все ярче разгорались оги социалистического соревнования. Вскоре оно стало движением миллионов.

— Вернемся в трудовой цех «Красного выборщика» и проследим судьбу значительного социалистического соревнования. Бывший бригадир обрубщиков Михаил Путин возглавляет ныне крупное строительное управление в Ленинграде. Он — частый и желанный гость на «Красном выборщике». Недавно, представляя участника рабочего собрания полковника Б. Круглова, Путин сказал:

— Этот товарищ с нашего завода, с «Красного выборщика». Его подпись стоит под первым в стране договором социалистического соревнования. В ту пору — двадцать лет назад — Борис Круглов был комсомольцем, работал у нас в бригаде, учился он потом на рабфаке, в вузе, стал инженером. Нынче Круглов — полковник авиации и с честью служит Родине.

Текст первого договора соревнования подписали также Алексей Оглоблин и Павел Мокин. Первый из них теперь в Доббасе на хозяйственной работе. Павел Мокин, самый молодой член бригады, окончил рабфак, учился в политехническом институте. Во время войны добровольцем пошел в Советскую Армию и геройски погиб, защищая город Ленинга.

А Григорий Дубинин, руководивший бригадой в ремонтно-механическом цехе, — знатный человек Ленинграда. Да, пожалуй, не только Ленинграда. Он не раз выступал перед профессорами и преподавателями вузов с докладами о методах своей работы.

...Так выросли люди, подписавшие первый договор социалистического соревнования. Их путь — это путь миллионов советских людей, вдохновленных ленинской идеей соревнования.

И. КРЯЖЕВ

ЛЕНИНГРАД

ОБСУЖДЕНИЕ СПЕКТАКЛЯ «ЗАГОВОР ОБРЕЧЕННЫХ»

Из четырех московских театров, включивших в свой репертуар пьесу Н. Вирты «Заговор обреченных», два — театр имени Вахтангова и Центральный театр транспорта — уже осуществили эту постановку. Обсуждению их спектаклей была посвящена встреча московских драматургов с коллективами театров, состоявшаяся в Центральном доме литераторов.

Н. Вирта рассказал о том, как он работал над пьесой. Изучение жизни стран новой демократии, многочисленные встречи

с различными слоями населения этих стран подсказали драматургу тему и сюжет произведения.

— Работа над пьесой «Заговор обреченных» по-настоящему захватила всех вахтанговцев, — говорил художественный руководитель театра Р. Симонов. — Сейчас мы с таким же вдохновенным работам как рядом новых современных пьес советских драматургов.

— Коллектив Центрального театра транс-

порта гордится тем, что первым из театров страны принялся за постановку пьесы «Заговор обреченных», — заявила постановщица спектакля Л. Гольдфельд. — Мы ждем от советских драматургов новых пьес такой же идейной силы.

В обсуждении спектаклей приняли участие: один из старейших мастеров театра имени Вахтангова И. Толчанов, Ю. Калашников, артистка Л. Скопина, Ц. Солдари, О. Леонидов и другие.

Александр БЕК

ВСТРЕЧА В ВАГОНЕ

1. Поезд тронулся. Некоторое время о нем мы, я и мой случайный слушник, с кем судьба, или, выражаясь прозаичнее, железнодорожная плакатка, свела меня в двухместном купе так называемого транс-сибирского экспресса, смотрел на пропавшие в темноте огни Москвы.

— Что же, — сказала я, — теперь надобно бы познакомиться и познакомиться.

— А у меня есть! — живо откликнулась мой слушник.

Он попернулся и, еще не сняв шубы и пушистой пышной шапки, из-под которой был виден аккуратно подстриженный седловатый затылок, открыл свой саквояж. Теперь редко путешествуют с такими саквояжами: чем-то старинным, старомодным повеяло от этого дорожного мешка из добротной коричневой материи с металлическим замком, раскрывающимся, как кошелек. Рядом лежал в голубоватой вязаной сетке большой детский мяч с красным и синим полушарьями, еще без одной паранки на блестящем лаке, видимо, купленный в подарок. Из саквояжа появилось несколько пакетиков: на оборотной бумаге была отпечата марка «Гастронома», Сухомятки, уже немного морщинистые, быстрые руки развернули и поставили на столик бутылку вина.

Сколько ему лет? Пожалуй, за шестьдесят. Липо было тоже сухомятки, чернорылые; блестящие стекляшки пенсне; золотой зажим крепко держал их на хрящеватом тонком носу; шеточки бровей были, как в затылок, седоватыми.

Он гостеприимно раскладывал пакеты. Порывшись в своем поместительном мешке, он достал еще один маленький сверток, снял бумагу и показал любопытную

профессионального литератора я сразу определил: это лишь как бы прообраз будущей книги, так называемая «верстка». Печатные листы сложены яки, как говорится, «сфальцованы» в одну шестнадцатую долю, но еще не сброшюрованы, не сшиты; книга пока распадается на равные тонкие стопки по шестнадцати страниц; в текст ее можно внести исправления и вставки, можно даже переставить; поля непременны велики; набор лишь отпущен для корректуры и еще не пошел в машину.

Достав верстку, Кузнецов положил на столик также пачку чистых листов размером приблизительно в открытку. Он удобно устроился на углу дивана у окна, надел свою пушистую шапку, ибо из пазов немого дуло, и, прочитав несколько страниц, стал быстро заполнять карандашом маленькие дырочки.

Встретив мой взгляд, он сказал: — Это мое самое большое удовольствие: сидеть и писать. Я иногда мечтаю: жить бы вот так, по-студенчески, в маленькой комнатке, чтобы никто не мешал... И писать...

— Что же это у вас? — спросил я, указывая на неспитую книгу. — Ваше сочинение? — Да, «Физика твердого тела». Пятый том.

— Пятый? — Да, четыре уже вышли в свет. Когда придет, начнем печатать пятый.

— В Томске? — В Томске... И вот, знаете, что меня сейчас заботит. В Москве собираются все тома переиздавать. Значит, надобно это подготовить, многое изложить заново, пополнить. А мне хочется сперва довести до конца все. Вот и думаю: как быть?

Он посмотрел на меня, ожидая совета. — Сколько же вам надю еще писать? — Всего я задумал шесть томов. Но сейчас ясно, что нужен и дополнительный, седьмой.

— Вот как... А что же это, Владимир Дмитриевич, такое: физика твердого тела? О чем там говорится?

— А не угодно ли? Пожалуй, взгляните...

Он протянул мне листы книги. Я взял эту «обемистую», нештатную, расплазующуюся на тонкие тетрадки пачку, задул раскрыл, увидел среди текста цепь математических формул и подумал: что, вероятно, ничего не пойму. Но строка наверху, отбитая чертой, или, как говорят типографчики, линейкой, называемая «комонтитулом», в которой обычно из странички в страничку повторяется название главы, привлекла мое внимание. Там значилось: «Усталость и отлив металлов».

Мне давно было известно о странном, не вполне проясненном наукой, явление: усталости металла, из-за чего иногда встает и как бы беспричинно разрушаются работающие стальные конструкции. Неужели наша наука уже так провинилась в изучении этих тайн металла, что они стали доступны математическому точному анализу? И потом... что такое отлив металла? Об этом, признаться, я еще не слышал.

Зантересованный, я стал перелистывать главу. На соседних страничках были отпечатались клише — фотоснимки шлифовки металла, какими они «выглядят под микроскопом». В тексте говорилось о внутренней структуре стали, о ее кристаллической решетке. Снимки наглядно показывали нарушение, деформацию или своего рода арривоэ этой решетки при увеличении усталости металла и, самое удивительное, ее восстановление в тех условиях, которые автор называл отливом. Впрочем, как я прочел далее, внутренняя структура металла восстанавливалась не только отливом, но и иначе: огнем, особой прокалкой, жаром калильных печей. В главе исследовались заметные глазу движения частиц внутри твердого тела, исследовались и выражались в формулах высшей математики даже внутреннее трение.

Я перевернул сразу несколько печатных листов, заглянул в другую главу книги. Там говорилось об особых материалах, особо стойких сталях, для получения которых необходима добавка или, употребляла термины металлургов, «присадка»

редких, порой драгоценных, элементов. На странице, которая открылась мне, анализировалась «присадка» титана. Я снова увидел микроскопиче кристаллической решетки, особой, отянутой от подобной решетки других сортов стали. Электрический микроскоп позволял различить металл. Здесь опять текст перемежался математическими формулами. Чорт возьми, вот, знаешь, какова она, физика твердого тела!

Подавшись во мне, Кузнецов со сдержанной улыбкой смотрел, как я проглядываю страничку о титане.

Владимир Дмитриевич, — воскликнул я, — это же жад лап записки людей! Всем металлургам-производственным нужна такая книга.

— Да, — просто сказал Кузнецов. — Мне отовсюду пишут, с тех пор, как вышел первый том «Физики твердого тела», я получаю одиннадцать тысяч писем.

— Сколько? — Одиннадцать тысяч. Имв у меня заготовлено шесть ящиков.

— И вы на все эти письма отвечаете? — А как же?... И знаете, о чем я иногда мечтаю? — Он помолчал, поправил зажим стекляшек, посмотрел на меня. — Мечтаю, чтобы в Томск ко мне когда-нибудь приехал бы писатель. И я сохранил своих ответов. Но это не так важно... Можно припомнить, если бы понадобилось.

— О чем же вам пишут? — живо спросил я.

3.

Вагон мягко покачивало.

Удалься от Москвы, поезд уже мчавший где-то возле Ярославля северную границу смешанных лесов и теперь неслась сквозь тайгу, которая, заполняя бесконечные пространства нашего Севера, подступала и сюда, к ватскому краю. За окном взгляд все время встречал елку и елку; столбы поднимались из снега; таежные шапки снег осел и на хвое, которая завалась темной, почти черной

тепные и угнетатели, трудовой народ и его враги. Сколько мужества, сколько высоких моральных качеств открывает поэт в своих героях, грузинских крестьянах, пахарях и виноградарях! Именно в их среде живет братская солидарность угнетенных, готовность к подвигу, человеческое достоинство.

Отвратительный противоположный лагерь — мир бессовестных угнетателей, чванливых и злых выродков! Ленинский и жадный грузинский народ потерпел там войны с русским царским чиновником. Разевшейся холуи — предатель трудового народа рабочено выполнял заую господскую волю.

По не царский чиновник, а подлинное представители русского народа определяют отношения народов России и Грузии. Вместе с воставшими грузинскими крестьянами борется против феодалов русский солдат Вася Митрохин, давний друг Арсена. Они поборались во время войны с Персией, сражались рядом против общего врага. И русский офицер-декабрист Судакос отказывается стрелять по грузинским повстанцам.

Арсен во время народной войны гибнет от пули предателя. Но память о крестьянине из Марабды, который учил трудовой народ с оружием в руках бороться против помещиков, останется жить в поколениях.

Действие исторической драмы «Герои Криваниси» и драматической поэмы «Имеретинские ночи» происходит в XVIII веке, во время царствования грузинского царя Ираклия II, выдающегося полководца и государственного деятеля.

Драма «Герои Криваниси» рассказывает о том, как после героических усилий грузинский народ потерпел временное поражение в битве с захватчиками-иранцами. Но силы народа не ослабли, дух не сломен, зная спасено. На помощь Грузии приходит Россия.

Я завещаю вам союз великий, — говорит Ираклий II своим сыновьям, — Примите покровительство России И дайте счастье и покой народу.

Борьба с иноземными захватчиками показана в «Героях Криваниси», как дело и подвиг простых людей — крестьян, ремесленников.

Поэма «Имеретинские ночи» написана после Великой Отечественной войны, и в ней речь идет о борьбе с японцами, с тем «дряхлым Востоком», который пытался покорить Грузию, разобшить ее исторический путь с Россией.

В середине XVIII века, во время войны России с Турцией, имеретинский царь Соломон вместе со всеми владетелями княжеств в Западной Грузии поднял восстание против турок. Лишь для Ростова Эриваста — владетеля Рачи — мелкие, своякорыстные интересы князя-феодала оказались дороже общенационального дела. Он изменил родине, пошел на сговор с врагом. Но измена была открыта, и Ростов понес жестокие наказания.

«Имеретинские ночи» — суровое, гневное произведение. Оно учит бдительности, беспощадности к врагу.

Народный героический характер драм Шаншишвили, высокое чувство патристизма, которым они проникнуты, делают их значительным явлением советской культуры.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Скажем, что такое патристическое творчество. Патристическое творчество — это творчество, которое рождается в борьбе с угнетением, которое рождается в борьбе за свободу и за мир.

Светлая судьба народа

Поэма Якуба Коласа «Хата рыбака» посвящена великому историческому событию — воссоединению белорусского народа в едином советском государстве.

Старая панская Поляна, захватившие древние белорусские и украинские земли, беспощадно эксплуатировали их. Для польских помещиков, кланов влиятельных в белорусские и украинские земли, народ был лишь «быдлом», с которого можно безжалостно брать три шкуры. Снеговое государство, захватившее все высшие должности в армии и государстве, всеми средствами утверждало и поддерживало этот порядок. Жизнь крестьянина была беспросветной, он не только был опутан сетями прямых налогов, но еще лишался и самых элементарных прав — он не смел сесть табак, чтобы не нанести ущерба прибылям табачных монополий, не смел сделать заглавку, чтобы не обидеть долоты и опичечных фабрикантов, и вынужден был за постыры коровы спиток отглаживать плетением хлеба. Вот как характеризует эту систему пан Галынка в поэме Якуба Коласа «Хата рыбака»:

В чем суть, к примеру, всяких сборов, Подчас, быть может, и пустых? В чем их величье? В чем опора Для панства в мелочах таких? Писалось, что в налогах дробных Суть это большое, но для нас, Другая моль, то кнут удобный — Он бьет везде и каждый час...

Под белорусе и украинцев, попавших под власть панской Польши, была одна единственная надежда на освобождение — надежда на то, что братья с Востока протянут руку помощи. И эта надежда оправдалась: Советская Армия в памятную осень 1939 года принесла свободу и свет единокровным братьям, пострадавшим под панским игом.

Новая большая поэма Якуба Коласа «Хата рыбака», получившая Сталинскую премию, воскрешает перед нами картины самоотверженной борьбы западных белорусов против осадников и панов и радостные дни освобождения.

В сущности говоря, по тщательности разработки характеров, по правдивости и широте повествования это скорее даже не поэма, а роман в стихах. Она непосредственно продолжает великие традиции русской классической литературы, воинно раскрывая их плодотворность для братских литератур. Это — очень важный вопрос, заслуживающий особого исследования, мы же только отметим, что самый стих Коласа, идущий от пушкинских традиций, — стих сильный и гибкий, необычайной широты и выразительности, — живой и убедительный довод против формалистических и эстетских вывертов. Вот, например, изображение зимы:

Зима стояла в самой силе. Ее пушистые снега, Как лебяжий стан крылья, Легли на крыши и стога. До стерж в расколы в сугробы хаты, Плетни, тропинки замело, Лишь ветер кружится мохнатый, Куда ни глянь: белым-бело. На голых сучьях хрустальная Искрилась и трещалет лед, И жесткий снег скрипит, поет На всех дорогах под санями.

Язык Коласа чист, музыкален, его картины отличаются благородной простотой. Сюжет поэмы «Хата рыбака» на первый взгляд, несложен и будничен. Симон Латушка, веселый рыбак и общительный человек, вынужден бросить свой промысел и уйти скитаться, — паны задушили его налоги.

Якуб Колас. «Хата рыбака». Поэма. Перевод с белорусского С. Горюховым, Б. Иришанин, П. Семьякин. Гослитиздат. 1948. 312 стр.

Александр БЕК

ВСТРЕЧА В ВАГОНЕ

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА 2 СТР.

с одного завода. Там делала повозки такого размера: два с половиной метра в диаметре и четырехдцать метров длины. Представляете, какова эта деталь? Машина, побольше всего нашего вагона. Меня спрашивали, как избежать зональности в металле, как сохранить одинаковую структуру во всех точках... А с другого завода я получаю такое письмо. Там протягивают тончайшую нитевидную металлическую проволоку. Они уже добрались до двадцати микронов отверстие в алмазе, через которое водочет нить. И спрашивают моего совета, как сделать отверстие в алмазе в десять микронов, то есть почти веничное глазу. Такая амплитуда этих вопросов: от самой большой в мире стальной повозки до самого мельчайшего, тоже еще небывалого, прокола.

— И вы на все это отвечаете? — А как же? Отвечаю, как могу... И заметив, вероятно, симпатично, внимание, интерес в моих глазах, он продолжал: — А однажды было такое письмо... Кузнецов приставившись, как бы снова проверяя, не наскутила ли тема, но и подхватил: — Какое же, Владимир Дмитриевич?

4. — Письмо из Ленинграда, — сказал Кузнецов, — из центральной научно-исследовательской лаборатории по абразивам и шлифованию. Абразивы? Это, если выразиться попросту, важнейшие или коронные круги, которыми, например, точат резцы. Товарищи из лаборатории сообщали, что они отказались от американских абразивов и производят свои. Но стойкость при заточке очень твердых сплавов

Пришел однажды панский гонимый, Полчица, — проверил снасть И актом свой осмотр окончил — Таким, что можно с ним поспать. За невод одеть назначает, За густоту его глазок. Еще пять золотых набавляет...

В пустую хату Симона вешают молодые Данила и Мартина. Оба они не имеют родных, оба выросли в батрачестве. Молодежь пытаются организовать свое хозяйство, однако осадник Богут уже заметил их, уже оплетает их своей паутиной. Хата принадлежит Симону, но пан Богут объявляет себя хозяином и заставляет платить непосильный налог, — он хочет сделать Данилу своим батраком, а Марину заложницей. В этом ему помогает пан Шебора, в мушкетерском, «как гусак», пан Галынка, кривоногий из волости.

Борьба Даниила против осадника и является композиционным стержнем поэмы; в этой борьбе выявляются непримиримые противоречия панской Польши.

Наверное, пану Богуту удалось бы, путем всяческих провокаций, утвердить неограниченную власть и над судьбой Даниила и над деревней Петруши, но час панской фашиствующей Польши пробил. Гитлер двинул свои армии на Варшаву, а польское спесивое панство с его наскоком прогнанным буржуазно-фашистским строем оказалось «с амбицией, но без амунции», оно было не в состоянии сопротивляться гитлеровской агрессии. В этот момент, спеша на выручку своим братьям и защищая государственные интересы своей страны, с Востока двинулась Советская Армия. Все хитросплетения пана Богуты и иже с ним рухнули. Народ, который паны хотели превратить в бессловесного раба, стал хозяином своей судьбы.

Мы видели, как со слезами на глазах слушали делегаты народного собрания в Белостоке выступление женщины-крестьянки, — если это была не Мартина из поэмы «Хата рыбака», это была ее прообраз! Так правда художественная смыкается с правдой жизни, а это — высший критерий для искусства.

Наиболее аркий и чистый образ поэмы — Мартина, жена Даниила — любящая мать, честная и твердая в своих убеждениях женщина из народа. Олицетворением неукротимой революционной силы, пробуждающейся под действием света коммунистических идей, является Данила. Сначала его возмущение против пана Богуты носит характер бунта раба-одиночки, но под влиянием коммуниста Авгена Данила начинает понимать настоящий путь борьбы и крепкими узами связывает себя с организацией. С этого момента Данила до конца предан идеям коммунистической партии, и ни допросы и пытки, ни ужасы тюрьмы не могут сломить его волю.

К сожалению, образ самого Авгена в поэме эпизодичен, дан в слишком общих чертах.

Убедительно нарисован Я. Коласом образ осадника Богуты.

Этот паук точно знает, с кем он и что ему нужно, он никогда не колеблется, когда речь заходит о возможности прижать народ и извлечь выгоду. В сущности, психологически он примитивен, и прав автор поэмы, нарисовав его именно таким. Пан Богут, польский осадник, исторически уже давно труп, но пан Богут, как олицетворение безжалостного эксплуататора и расиста, жив и здравствует в «маршаллановской» Европе и гитлеризованной Америке.

В поэме встречаются отдельные личности, которые тормозят действие, отвлекают от основных событий. Однако при частых недостатках «Хата рыбака» Якуба Коласа — поэма о светлой судьбе белорусского народа — несомненное достижение не только самого поэта, но советской поэзии в целом.

В американских журналах, газетах и книгах слова «мировая война» сопровождают римоимые цифрами, как титулы королей: «Мировая Война I», «Мировая Война II». Теперь так все чаще и чаще престрадают слова: «Мировая Война III», — король умер, да здравствует король!...

В физических лабораториях Окриджа «компрессия по расследованию антиамериканской деятельности» произвела беспощадную чистку. Ученые, которые повинулись в то время, что они читают прогрессивные журналы и слушают речи Уоллеса, вышвырнуты из американской науки. Буржуазная наука признает лишь ту науку, которая способна помочь ему в массовом убийстве.

Дряхлый восьмидесятилетний изверг сладострастие шамкает о том, как «Мировая Война III» попортит ружьями материн и «по меньшей мере, на столетие» парализует цивилизацию. Героотраг, впадший в детство, он нетерпеливо хлопает в сморщенные ладошки: развейте войну скорее, немедленно, сию же минуту!.. Быть может, его волю восприняли в каком-нибудь «Вестнике психоанализа», как пример бреда, сопровождающего старческое слабоумие? Ничего подобного! Статья озаглавлена «Перспективы человечества»; она напечатана в журнале «Горизонт», прокламаторством себя, как «башня из словенской» возмущающего буржуазного эстетизма и обратившемся в рядовой ДОТ на линии, возведенной англо-американским империализмом. Автор этой статьи — Бертран Рассел — признан философам столпом современной «западной цивилизации».

Воплощая человеконенавистнический бред Рассела в безразличестве картинка, Одос Хаксли написал «утопический» роман «Обезьяны и естествен». В начале мучившей войны, напуганных гитлеровскими бомбами, Хаксли похитил свой народ, дезертировал из Англии и прикинулся гордым отшельником в калифорнийской пустыне. Теперь из своего комфортабельного ояка с электрическим освещением, газом и телефоном он накликал на мир американские бомбы. Действие романа происходит в XXI веке. Одинаковые племена — потомки горсточка людей, чудом уцелевшие после «Мировой войны III», — бродят по опустошенной земле.

Империалистическая буржуазия бредит войной в своих картинах и книгах, в своих философских «теориях» и экономических трактатах.

Об этих коварных промахх нужно помнить всегда.

Помнить о войне — это значит вспомнить проникнувший высшим человеколюбием завет великого чешского гуманиста Юлиуса Фучика, восклицавшего перед смертью: «Люди, я люблю вас! Будьте бдительны!»

Помнить о войне означает: точно представлять себе, где хранят свой порох враги человечества и всегда держать это опасное место под прожектором, вовремя замечая и разоблачая каждого, кто пытается высвободить смертоносную силу.

Передовая мужественная и честная советская литература является таким прожектором, оберегающим человечество от опасности. Яркий свет этого прожектора показывает в полный рост прекрасные образы бойцов за грядущее счастье всех народов — образы советских людей и их верных союзников. И тот же яркий свет беспощадно вырывает из мрака фигуры врагов, разоблачает их волины и невольничьи пособники, облегчает борьбу за мир.

Пламенные слова Фучика могут быть поставлены эпиграфом ко многим нашим книгам, стихам и песням. В том числе и к «Чужая тень».

К. Симонов. «Чужая тень». Журнал «Знание» № 1 за 1948 г.

тут они служат эпиграфом почти ко всему, что написано Константином Симоновым. Его новая книга стихов называется «Друзья и враги». И с этой книгой стихов не только по времени написания, но и по всему духу своему органически связана новая повесть К. Симонова — «Чужая тень», опубликованная в № 1 журнала «Знания».

События, изображенные в пьесе, происходят в советском научно-исследовательском институте «большого универсального города», как определено в авторской ремарке.

По действию не замыкнуто в тесные рамки институтских кабинетов и квартир. В пьесе все время ощущается то же дышащее раскаленным миром, которым насыщены стихи пьесы «Друзья и враги», «Чужая тень», которая легла на директора института Сергея Александровича Трубникова (и чуть было не поглотила его совсем), это тень «тигра из Сан-Франциско», одного из активных фельдшеров «Мировой войны III», разоблачению которого посвящено стихотворение К. Симонова в его цикле «Друзья и враги».

События, разворачивающиеся на протяжении шести картин пьесы, таковы:

В научно-исследовательском институте, руководимом Трубниковым, проводятся успешные опыты по изготовлению нового препарата, при помощи которого можно будет бороться со всеми болезнетворными микробами. Работа эта подходит к концу. Молодой ученый, секретарь партийной организации института, Григорий Иванович Рыжов на самом себе проводит один из последних проверочных опытов: он заражает себя чумой и прививает затем себе волею открытую сыпореку.

Старый университетский товарищ Трубникова, человек, далекий от науки, но всегда любящий потеряться чужой слабой, Окунев привозит профессору письма от американских ученых, которые просят поделиться с ними технологией открытия.

Исследования Трубникова делаются на два этапа. Первый: предельное усиление заразности микробов. И второй: получение микробов с ослабленной заразностью, необходимых, чтобы изготовить препарат для прививок. Американцам не терпится заполучить в свои руки первую часть.

Исполняя посредничество Окунева, они предлагают Трубникову космополитической болтовней о «мировой славе»: они болтают о гуманизме и высокую патриотическую заботу о приоритете русской науки пытаются извести до «медика соображений престижа».

Буржуазные пережитки очень еще сильны в сознании Трубникова. Несмотря на то, что он уже пять лет тому назад вступил в ряды большевистской партии, Трубников не научился еще широко, государственно мыслить, не преодолел узкого индивидуализма. Он не понимает, что кроется за словами Окунева. И отдает ему первую часть своей рукописи.

Но все зло, окружающее Трубникова, — и сестра его Ольга Александровна, и дочь Лена, врач, недавно демобилизованный из армии, и ближайший сотрудник профессора — Саватеев и Иванов, и муж Ольги Александровны, начальник большого строительства Макеев, — все они, упав о поступке Трубникова, стараются уничтожить тяжелые последствия этого поступка и показать самому Трубникову, на краю какой пропасти он очутился.

Каждый из этих людей, близких Трубникову, посвятивших ему целые годы своего вдохновенного труда, глубоко оскорблен поступком Трубникова. Жертвовать своим миром, свое вдохновение, даже свою личную жизнь, как то было у Ольги Александровны, можно лишь человеку, в которого веришь, как в воплощение самых высоких

идеалов. Для каждого из них эти идеалы заключались в понятие, которое проще и сильнее всего выражается тремя словами: «советский ученый-коммунист».

Таким они видели Трубникова, несмотря на то, что отдельные недостатки его каждому из них были давно уже ясны. Иванов притроил чрезмерное славовлюбие Трубникова, Слух Ольги Александровны резко пристрастно брата к словам «мой институт», «мой лаборатория»... И Лена, — она с детства лет своих узнала, как умеет отец подавлять всех, кто попадает в его орбиту, и как агностически умеет использовать обаяние своего, трубниковского таланта.

Но они считали эти частные недостатки профессора, веря, что от этих недостатков он сможет избавиться и, как могли, помогали ему преодолеть в себе буржуазно-индивидуалистические черты. Поступок Трубникова, безусловно передавшего американцам плоды своего и общего труда, был предательством по отношению к каждому из людей, работавших вместе с Трубниковым, как и по отношению ко всем советским людям. Он показал им полное отсутствие партийности в облике этого ученого. Их идеал рухнул.

Все они страстно и справедливо упрекают Трубникова, каждый со своей точки зрения. Но Макеев оказывается правым, кто раскрывает смысл преступления Трубникова с полнотой партийной зоркостью. Он показывает, что вина профессора — это вина перед Родиной, перед историей, прогрессом, перед миром. Потому что забота о мире и о его будущем осуществляется сегодня советский человек, который возлагал на свои плечи великую ответственность за счастье народов.

Макеев напоминает Трубникову, что быть политиком — обязанность коммуниста. Он разговаривает с профессором о низкопоклонстве.

«— Есть, конечно, люди, которые готовы умиляться хоть вичному горшку, если он заграничный, но это больше смешное, чем грустное. Нет, голубчик, есть другое низкопоклонство, серьезное, от которого, кстати сказать, и ты не свободен. Оно заключается в том, что люди думают, что тот, враждебный нам мир гораздо благороднее, чем он есть; считают люди из того мира способными на гораздо более высокие подвиги, чем те, на которые они способны; считают их мнимую свободу действительной, их проданную капитализму совесть — чистой, а их безразличную рекламу своих достижений, талантов и умственных способностей — правдивым зеркалом их жизни».

Узнав о рукописи, переданной Окуневу, Макеев с той же прямотой и глубиной объясняет Трубникову, как велика стесненность его вины перед своим народом.

Вот этот диалог между ними: Трубников: ...Я хотел передать только первую часть своей технологии, в которой нет ровно никаких секретов. Я дал только технологию усиления заразности микробов, а не я дал дальнейшего — технологию ослабления для прививок.

Макеев: Дальнейшего? А им и не нужно дальнейшего. Им вполне достаточно того, что вы им дадите. Вы уткнулись в вашу проблему и воображали, что во всем мире все только и думают что о спасении человечества от болезни. А там, в их мире, о спасении людей думают в десятку, в сотую очередь, а в первую очередь думают об уничтожении. Об уничтожении нас. Им не нужны наши прививки. А если и нужны, то не для спасения человечества, а для выкачивания из него денег, что они уже успешно делают со всеми своими пещинщиками и стрептомичинами и что идеальны бы и с вашими прививками, но пади они им в руки. Подарить ваше от-

крытие этим торгашам — уже преступление перед человечеством. Как вы не понимаете? Но вы решили сделать вещь, по сто раз худшую: вам метод приготовления чудовищно заразных микробов, которые для вас только теоретическая штука, для них будет их военной практикой! Слезой вы человек!»

Окунев разоблачен, как американский шпион. Накануне неизбежного ареста он кончает жизнь самоубийством.

А потрясенному Трубникову Макеев рассказывает о своем разговоре с министром здравоохранения. Трубникову предоставляется возможность честной работой искупить свою вину.

Такова главная линия пьесы — угмой, страстной и глубокой партийной.

В пьесе сказано умение К. Симонова крупными и выразительными штрихами рисовать разнообразие человеческие характеры и сталкивать их в острых, напряженных конфликтах.

Характер Трубникова раскрыт не только в его отрицательных проявлениях. В напряженной и мужественной борьбе с чумным профессором показан так, что мы убедимся: нет, не из одного только уважения к таланту и научным трудам принимали этого человека пять лет тому назад в партию. Он не раз испытывал на своем себе действие опасных микробов, проверяя результаты своих работ. Он, когда это нужно, соглашается, чтобы его дочь пошла в чумной изолятор. И в конце пьесы мы верим, что Трубников действительно покаялся своей вине и всем трудом своей жизни будет стремиться оправдать великодушное доверие правительства.

Андрей Макеев — неотъемлемый создатель: трудовой долг бросает его то в табу, то в пустыню, и там, где он прошел, возникают новые города, загорают огни домен, изменяется лицо советской земли. Быть может, более, чем кто-либо другой из числа действительных лиц, — Макеев сродни излюбленным героям прежних пьес К. Симонова.

Зритель давно уже полюбил героев, с которыми узнавал его в своих пьесах Константин Симонов, щедро и полно раскрывая богатый внутренний мир советского человека.

Отличная лепка образов, уверенное драматургическое мастерство, тонкий и аркий язык — эти качества с настоящей силой проявились в пьесе «Чужая тень».

В маленькой группе людей, действующих в этой пьесе, К. Симонов сумел показать великодушные, неповторимые черты нашего социалистического общества, которое борется за каждого советского человека и оберегает его от ложных шагов, удаляющих на опасные тропы.

Тенью чужого, человеконенавистнического, подлого и своекорыстного мира предстает в пьесе Окунев. Его американские хозяева не появляются из сцены, но мы все же ясно видим их — по той тени, которая на миг прошла перед нами.

Это они, которых так хорошо знает и священной ненавистью ненавидит псалтель, — они и есть сегодня самая страшная чума, угрожающая человечеству.

От этой чумы охраняет народы мира Советский Человек.

Он — пороку тому, что бредовые «утопия», подобно клеветническому карнавалу Рассела и Хаксли, никогда не «существуют».

Свет Брежнев, великий советских людей от полета к познанию, — порока тому, что мир действительно поучит к счастью мирного творческого труда, к которому он так страстно стремится.

И чтобы человечество на пути к этому счастью не оказалось застигнутым враждебными силами, — страстно и проникновенно обращается к нему наша литература: — Люди, будьте бдительны!

Владимир Дмитриевич, я хочу спросить вас вот о чем... Вы говорили, что проблема абразивов занялась из патриотизма.

— Да, ну-с... — Но ведь это, как я понимаю, отяжело вас от других работ, наверное, тоже очень важных?

— Нет. Дело в том, что абразивы были только эпизодом в большой битве... — Битве? Какой битве?

— За скорости резания металлов. Разве вы этого не знаете? — Позвольте, Владимир Дмитриевич... — Что такое?

— Вы занимались скоростями резания? — Еще бы... Этому у меня посвящен педиком весь третий том. Он так и называется: «Физика резания металлов».

И вновь с удивлением смотрю на своего слушника. Кузнецов... Кузнецов... Вот, значит, откуда я знаю это имя! Скоростной метод резания металлов, применяемый на наших машиностроительных заводах, называется «кузнецовским способом». Мне доводилось слышать такое название, оно звучит связно, хотя я и не отдал себе в этом отчету, с фигурой заводского повара, переднего рабочего-стахановца или инженера-металлиста. Никак не приходило в голову, что это семидесятый ученый из далекого Томска, директор института физики, написавший многотомный теоретический труд, член-корреспондент Академии наук профессор Кузнецов является автором скоростного «кузнецовского» способа резания металлов, применяемого на наших заводах.

Разговор о скоростях резания явно волнует Кузнецова. Один эпизод этой «битвы», как выразился он, такой сдержанный на вид человек, вымывает и сейчас, в спокойной обстановке нашего купе, его воодушевление.

— В прошлом году, — говорит он, — я выступил в журнале «Вестник высшей школы» со статьей «В защиту приоритета отечественной науки».

И мы, два случайно встретившихся пассажира сибирского экспресса, говорим о том, что сейчас повсюду возмущет, занимает мысли советских людей. — о национальной гордости, патриотизме, о мировом значении русской и советской науки, открытий которой издавна присваивали и повные присваивают себе иностранцы.

— Дело было так, — рассказывал Кузнецов. — Еще перед войной в Москве собрался совещание резальщиков со всего Союза. Была страстная борьба, многие отрицали новый метод, но вытеснилась группа новаторов, которая, преодолевая сопротивление консервов, стала практиковать выводить новые скорости. Во время войны я выстуил свой третий том. К январю в 1945 году это же пришло к нам в Америку. Стало известно, что там инженер Мерчант создал теорию резания, подтвердил опытами, опубликовал и уже прославился за это открытие. И у нас некоторые уже стали перенимать это отсюда, уже дали название «американский метод». Я достал работу Мерчанта. Что такое? Все знакомое. Вот так история! Ведь все это списано у нас. Мерчант ничего, абсолютно ничего нового не создал. Я снова взял наши русские работы Павла Тиме, Зюрыкина, Усачева, на которые я опирался, сравнил формулы с формулами Мерчанта. Получается полное тождество! Этот американец не создал, а создал теорию. Все, все взято у нас! А некоторые наши консерваты словно ожидали, чтобы русская теория пришла к нам с американским штемпелем. В наш русский метод они поверили только тогда, когда смогли назвать его «американским».

И вскрыл это дело!

В этом гневном рассказе Кузнецов ни разу не упоминает собственной фамилии, нигде не вымывает себя. И опять становится прозрачным, как бы просвещенным неким лучом самые глубокие побуждения этого патриота ученого. Но Кузнецов, видимо, не убежден, что мне всея

его внутренний мир, его чистое сердце, — он смотрит на меня и добавляет: — Помните, я говорю это не для похвалы. Поверьте, я ученый, и мне это не важно. Но я горжусь, что у нас в Советском Союзе целком создана наука о резании металла. Горжусь, что новый способ носит мое имя, что это дело продолжает на заводах мои ученики.

Я спросил: — А как, Владимир Дмитриевич, случилось, что вы званиями скоростями резания? Когда это произошло?

— В 1938 году. После речи товарища Сталина о задачах науки. Помните, как он сказал: «За прорывные науки, той науки, которая не отрицается от народа...». Это известные слова. Перечтите их, найдите эту речь. Для меня это было... Ну, как бы вам сказать... Как присказка титанов... На основе этой речи потом думались наша наука...

Поэза уже переключил Предураба. Смеркалось, виднелись огоньки. Приближалась какая-то большая станция. — Какое же ваше последнее работы? — спросил я. — Последнее? Вот перед отъездом прочел в Томске доклад о партийности науки.

— Владимир Дмитриевич, вы член партии? — Да, вступил в прошлом году.

Поэза заметно приторжжана. Кузнецов пазел шубу, галюни, нацинуя глубже пушную панку и пошел к выходу, прощаясь по черову, подышать морозным воздухом.

Я смотрел из окна на платформу, где, разогнана сумерки, сияли шарообразные электроффары. Шесторлиной мерной походкой прошел мимо окна мой слушник по вагоно, сдержанный семидеятый русский профессор в пенсне на тонком хрящеватом носу.

Всемирному конгрессу сторонников мира

В ПАРИЖЕ

Писатели, композиторы, художники, артисты, ученые, инженерно-технические работники и стахановцы столицы Советской Украины...

Двадцатого апреля в Париже, в зале Плейель, открылся Всемирный конгресс сторонников мира. 1784 делегата, представляющие народы 69 стран...

Затем конгресс избирает президиум в следующем составе: Ирен Жюлио-Кюри (Международный комитет связи деятелей культуры в защиту мира), Гидинава-Спурна (Международная демократическая федерация женщин)...

По предложению ряда делегаций конгресс единогласно принимает решение сохранить в силе полномочия делегатов, не допущенных в Париж французским правительством...

А. Фадеев и Луи Арагон на Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже.

Силы сторонников мира во всем мире не сравненно больше и могущественнее, чем силы кучки империалистов — поджигателей новой войны. Преступные планы торговцев человеческой кровью будут сорваны объединенными силами демократии и мира всего мира.

В зале Плейель — атмосфера человечности и миролюбия. Об этом хорошо сказала прогрессивная парижская газета «Се суар».

Вечером состоялось второе заседание конгресса. На нем выступили Пьетро Ненни (Италия), Ив Фарж (Франция) и Поль Робсон (США).

Пьетро Ненни разработал политику подготовки войны, проводимую империалистами и их подручными в Европе.

Вечернее заседание закрывается. Проникнутое сознанием своей силы, объединенное общностью борьбы за мир, воодушевленные только что слышанными выступлениями, расходятся делегаты.

Вечером на конгрессе выступил глава советской делегации Александр Фадеев (речь А. Фадеева печатается в сегодняшнем номере «Литературной газеты»).

Мирза ИБРАГИМОВ

ПРЕЗРЕНИЕ ИМПЕРИАЛИСТАМ!

Американский империализм бесится. Бряцая оружием, он пытается угрожать всему человечеству. Волчий взгляд его рыщет по всей земле в поисках добычи...

В Индии американский доллар называют «калкой». Калка — бог зла и индусов. Известен храм Калки (недалеко от Калькутты); религиозные индусы обрезают кровопролитные войны гневом Калки.

Накануне открытия Всемирного конгресса сторонников мира было принято решение организовать одновременно пражскую часть конгресса с участием тех делегатов демократических стран...

Я стою возле делегации шахтеров, которые пришли сюда в спешках. Слезы волнения и радости текли по лицу старшего горняка, который, обхватившись с своим товарищем, сказал: «Это самый счастливый момент в моей жизни!»

Вот делегация народно-демократических стран. Кто не вспомнит о терроре Хорти в Венгрии, Пилсудского — в Польше, короля Бориса — в Болгарии, Антоанеску — в Румынии, террор, который душил эти страны еще несколько лет назад?

Светский Союз — надежда каждого сторонника мира. Нет ни одного делегата, который бы не понимал бы этого.

Андре СИМОН

В ПРАГЕ

В Индии американский доллар называют «калкой». Калка — бог зла и индусов. Известен храм Калки (недалеко от Калькутты); религиозные индусы обрезают кровопролитные войны гневом Калки.

Вот делегация народно-демократических стран. Кто не вспомнит о терроре Хорти в Венгрии, Пилсудского — в Польше, короля Бориса — в Болгарии, Антоанеску — в Румынии, террор, который душил эти страны еще несколько лет назад?

Вот делегация народно-демократических стран. Кто не вспомнит о терроре Хорти в Венгрии, Пилсудского — в Польше, короля Бориса — в Болгарии, Антоанеску — в Румынии, террор, который душил эти страны еще несколько лет назад?

Вот делегация народно-демократических стран. Кто не вспомнит о терроре Хорти в Венгрии, Пилсудского — в Польше, короля Бориса — в Болгарии, Антоанеску — в Румынии, террор, который душил эти страны еще несколько лет назад?

Вот делегация народно-демократических стран. Кто не вспомнит о терроре Хорти в Венгрии, Пилсудского — в Польше, короля Бориса — в Болгарии, Антоанеску — в Румынии, террор, который душил эти страны еще несколько лет назад?

Вот делегация народно-демократических стран. Кто не вспомнит о терроре Хорти в Венгрии, Пилсудского — в Польше, короля Бориса — в Болгарии, Антоанеску — в Румынии, террор, который душил эти страны еще несколько лет назад?

Вот делегация народно-демократических стран. Кто не вспомнит о терроре Хорти в Венгрии, Пилсудского — в Польше, короля Бориса — в Болгарии, Антоанеску — в Румынии, террор, который душил эти страны еще несколько лет назад?

Вот делегация народно-демократических стран. Кто не вспомнит о терроре Хорти в Венгрии, Пилсудского — в Польше, короля Бориса — в Болгарии, Антоанеску — в Румынии, террор, который душил эти страны еще несколько лет назад?

Вот делегация народно-демократических стран. Кто не вспомнит о терроре Хорти в Венгрии, Пилсудского — в Польше, короля Бориса — в Болгарии, Антоанеску — в Румынии, террор, который душил эти страны еще несколько лет назад?

Вот делегация народно-демократических стран. Кто не вспомнит о терроре Хорти в Венгрии, Пилсудского — в Польше, короля Бориса — в Болгарии, Антоанеску — в Румынии, террор, который душил эти страны еще несколько лет назад?

Вот делегация народно-демократических стран. Кто не вспомнит о терроре Хорти в Венгрии, Пилсудского — в Польше, короля Бориса — в Болгарии, Антоанеску — в Румынии, террор, который душил эти страны еще несколько лет назад?

Вот делегация народно-демократических стран. Кто не вспомнит о терроре Хорти в Венгрии, Пилсудского — в Польше, короля Бориса — в Болгарии, Антоанеску — в Румынии, террор, который душил эти страны еще несколько лет назад?